

НАРОДНЫЙ ДУХОВНИК ПЕЩЕР ГЕФСИМАНСКОГО СКИТА: ОБРАЗ ПРЕПОДОБНОГО ВАРНАВЫ ГЕФСИМАНСКОГО В ПРОЗЕ И. С. ШМЕЛЁВА

Денис Владимирович Макаров

доктор культурологии
доцент кафедры филологии МДА
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева лавра, Академия
denis.makarov@mail.ru

Для цитирования: Макаров Д. В. Народный духовник пещер Гефсиманского скита: образ преподобного Варнавы Гефсиманского в прозе И. С. Шмелёва // Богословский вестник № 2 (37) 2020. С. 324–342. DOI: 10.31802/2500-1450-2020-37-2-324-342

Аннотация

УДК 82.091 (27-36) (821.161.1)

Основная цель исследования — изучить образ преподобного Варнавы Гефсиманского в творчестве Ивана Сергеевича Шмелёва, а также показать значение в судьбе писателя личного общения со старцем Варнавой. В работе применяется сравнительно-исторический метод и метод филологического анализа. Для достижения указанной цели анализируется биография писателя, художественные произведения И.С. Шмелёва, в которых встречается образ преподобного Варнавы Гефсиманского, в частности романы «История любовная», «Лето Господне», «Пути Небесные», повесть «Богомолье», очерк «У старца Варнавы» и другие. Наиболее важные результаты исследования: И. С. Шмелёв создаёт образы праведников, опираясь на эстетическую традицию православия изображать святых и праведников в сиянии света. Немаловажным эстетическим приёмом является изображение человека глазами ребенка, стоящего на границе «ангельского» возраста, который, глядя на людей, воспринимает в силу своей духовной чистоты не столько их внешний облик, сколько состояние души: светлое или тёмное.

При этом светоносность выстраивается в художественной системе И. С. Шмелёва в чёткую иерархию, которая основана на святоотеческой православной иерархии, выраженной словами преподобного Иоанна Лествичника: «Свет монахам — ангелы, а свет для всех мирских — монахи и монашеское житие», что наглядно показывает глубокую укорененность эстетического мышления писателя в православной культурной традиции.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, творчество Ивана Сергеевича Шмелёва, преподобный Варнава Гефсиманский, преподобный Серафим Саровский.

Эстетические особенности изображения человека у Ивана Сергеевича Шмелёва укоренены в православной культурной традиции, в сердцевине которой находится аскетический опыт христианских подвижников. Шмелёв, в частности, прямо следует за православной иконописной традицией, где святые изображены во свете, с сияющими нимбами, а грешники лишены нимбов, либо их лица полностью помрачены.

Сияние света, исходящее от праведников, есть видимый (для героя и автора) знак присутствия в их душах Божественной благодати, а сила света, присущая тому или иному лицу, указывает на степень его просвещённости благодатью. Именно так, по христианскому учению, видят людей ангелы и святые: «Когда душа стоит вне благодати, оболочка её или мрачна, как ночь темнейшая, если кто поблажает страстям и им служит, или сера, как неопределённый туман... Когда душа вся проникается благодатью, тогда и оболочка её вся становится яркосветлою»¹, — пишет святитель Феофан Затворник.

Следуя данной традиции, Шмелёв создаёт образы праведников-христиан, наделяя их специфической эстетической особенностью: исходящим от них сиянием света. Это сияние можно назвать «светоносностью» или «светозарностью». Если обратиться к наиболее значимым произведениям писателя: романам «Лето Господне» (1934–1944), «Пути небесные» (1935–1950) и повести «Богомолье» (1930), можно привести много ярких примеров:

«От неё... будто тихий свет»² (Анна Ивановна).

«Он поднялся и поклонился ей молча, как перед тем поклонился матушке Агнии: исходившему от неё свету поклонился»³ (Даринька).

«Я вижу, как у глаза Горкина светятся лучики-морщинки»⁴ (Горкин).

«Маленькое лицо, сухое, как у угодничков, с реденькой и седой бородкой, светится, как иконка»⁵ (Горкин).

«Так обрадовал — осветил... как солнышко Господне»⁶ (старец Варнава).

1 Феофан Затворник, *свт.* Что есть духовная жизнь. СПб, 1991. С. 101.

2 Шмелёв И. С. Лето Господне // Собрание сочинений: в 5 т. М., 1998. Т. 4. С. 351.

3 Шмелёв И. С. Пути Небесные // Там же. Т. 5. С. 39.

4 Шмелёв И. С. Лето Господне // Там же. Т. 4. С. 123.

5 Там же. С. 65.

6 Шмелёв И. С. Богомолье // Там же. Т. 4. С. 509.

«И кажется мне, что из глаз его светит свет»⁷ (старец Варнава).

Создаётся впечатление, что изображен уже не просто земной, ветхий человек из плоти и крови, а человек новый, зримо преображённый благодатью Божией. Его светоносный образ — уже почти икона: лик, окружённый сиянием святости. Эта, близкая к иконописной, художественная манера письма открывает основу шмелёвского видения человека.

Колорит изображения Шмелёвым мира и человека перекликается, как было отмечено Ольгой Сорокиной⁸, с живописными работами М. В. Нестерова: та же прозрачность, то же сияние святости и чистоты в тонкой дымке.

В статье «Бытописатель русского благочестия», созданной к 10-летию кончины И. С. Шмелёва, архиепископ Чикагский и Детройтский Серафим (Иванов) писал, что Шмелёв покорила его «тонким знанием глубин православия»: «Никто из современных русских писателей, — отмечал владыка, — не проник так глубоко в душу русского народа, не выявил её надмирную сущность, не отметил её запечатлённость»⁹.

И его мнение, как мнение иерарха Церкви, особенно важно, потому что выявляет «обратную связь», а именно: узнала ли себя Церковь в художественных образах Шмелёва, и если узнала, то как оценила? Оценка эта — однозначно положительная: «Освещена душа (Шмелёва – Д. М.) светом Христовым, и видит он все... образы чистые, светлые... Вереницею шествует Святая Русь. Впереди отец Варнава — ласковый прозорливец, утешитель народный, за ним Горкин — угодник Божий в миру... няня, которою безмолвно судится мир, Федя — ревнитель благочестия, нежная Даринька — грех поборающая, валаамские иноки... Все-то светлые, живые — душа русская в лучах радуги полноцветной»¹⁰.

Для Шмелёва очень важна точка зрения, с которой он видит и изображает человека. В автобиографической прозе (роман «Лето Господне», повесть «Богомолье» и др.) повествователь Шмелёва, мальчик Ваня, стоит ещё на грани ангельского возраста (7 лет). И он, глядя на людей, воспринимает не столько их внешний облик, сколько со-

7 Шмелёв И. С. Богомолье // Там же. Т. 4. С. 510.

8 Сорокина О. Н. Москвитина: жизнь и творчество Ивана Шмелёва. М., 1994. С. 141.

9 Серафим, архиепископ Чикагский и Детройтский. Бытописатель русского благочестия (к десятилетию со дня кончины И. С. Шмелёва). 1960 // НИОР РГБ. Ф. 387. К. 10. Ед. хр. 49.

10 Там же.

стояние души. Таким образом, глазами ребёнка автор представляет читателю своё видение человека — целостное восприятие личности, прежде всего духовной.

Ваня чутко различает в человеке как светлое божественное начало (добро, нравственную чистоту, благодать), так и тьму греховную (порочность и злобу), поэтому и видит он некоторые души светлыми и чистыми, как, например, у угольщика Михаила Иванова: «Душа у него чистая, как яичко», несмотря на то, что сам Михаил Иванов «весь в волосах и чёрный-чёрный, белые глаза только»¹¹. Других людей видит Ваня лишёнными света, окутанными тьмой. Таковы купцы-«живоглоты» Кашин и дядя Егор. Их описание обязательно сопровождается эпитетом «чёрный», при этом данный эпитет характеризует именно душу, поскольку в этом случае нет противопоставления (тело чёрное, душа светлая), как у Михаила Иванова. Чернота, которую чувствует мальчик как их постоянный атрибут, есть чернота метафизическая: «Крестный грубый, глаза у него, “как у людоеда”, огромный, чёрный, идёт — пол от него дрожит»¹². И ещё: «Дядя Егор очень похож на Кашина: такой же огромный, чёрный, будто цыган...»¹³.

И не только ребенок, но иногда и взрослый человек, но тоже не простой, а будущий монах — Виктор Алексеевич Вейденгаммер (в романе «Пути небесные») видит этот свет: «В голубых клубах ладана, в свете паникадил, в пыланьи сотен свечей-налепок, в сверкающем золоте окладов светлые юные глаза сияли светом неземными, и утончившееся лицо казалось иконным ликом, ожившим, очеловечившимся в восторженном молении. Не девушка, не юница, а... иная, преображённая, н о в а я»¹⁴.

Герои Шмелёва получают различные степени «светозарности», которые выстраиваются в своеобразную иерархию.

Сначала это «тихий свет» благочестивых жён: Анны Ивановны — доброй женщины из романа «Лето Господне», бескорыстно ухаживающей за больным отцом Вани, а также Дариньки — главной героини романа «Пути небесные», которая тоже ухаживает, но не за телесно, а за духовно больным Виктором Алексеевичем Вейденгаммером.

11 Шмелёв И. С. Лето Господне // Собрание сочинений. Т. 4. С. 269.

12 Там же. С. 485.

13 Там же. С. 414.

14 Шмелёв И. С. Пути Небесные // Там же. Т. 5. С. 42.

Следующая ступень представлена эпизодическим мужским образом старика Пресветлого — исповедника веры, «который от турки вырвался, половину кожи с него содрали, душегубы, — идолу ихнему не поклонился»¹⁵; и это уже не просто свет, а «сияние»: «У Пресветлого всё лицо жёлтое-жёлтое, как месяц, и сияние от него исходит...»¹⁶.

Выше всех мирян стоит у Шмелёва праведник в миру — плотник-филенщик Горкин. Он сравнивается с «херувимом», также он сравнивается с преподобным Сергием Радонежским и с праведным Иосифом Обручником, ибо тоже плотник. Все его называют «святым человеком». Его лицо: «Светлое такое, божественное совсем, как у святых стареньких угодников... маленькое... сухое... светится, как иконка»¹⁷. И не только лицо Горкина иконописно, но и тело (во время купания на «Ердани»), подчёркивает Шмелёв, словно бы взято с древних икон: «Горкин, худой и жёлтый, как мученик, рёбрышки все выдать, прыгает со ступеньки в прорубь...»¹⁸.

Но всё же не он, а старец Варнава, монах, стоит у Шмелёва на вершине Фавора. Горкин сам нуждается в его совете и утешении.

В этом иерархическом расположении персонажей зримо проявляется православная традиция, которая устами преподобного Иоанна Лествичника утверждает: «Свет монахам — ангелы, а свет для всех мирских — монахи и монашеское житие»¹⁹. У Шмелёва это почти буквально: богомольцы видят старца Варнаву в сиянии света, его слова и улыбка озаряют, освещают душу, «как солнышко Господне»²⁰. Монастырь у Шмелёва вообще представлен как источник света в мире, как маяк во тьме моря житейского: «В сумрачное наше время, в надвинувшуюся “ночь мира” нужны маяки»²¹.

Таким образом, иерархия «светоносности» у Шмелёва совпадает с православной церковной иерархией. Это убедительно показывает внутреннюю глубинную связь художественной системы Шмелёва с православным мировидением.

15 Шмелёв И. С. Лето Господне // Там же. Т. 4. С. 167.

16 Там же.

17 Там же. С. 65.

18 Там же. С.132.

19 *Ioannes Climacus*. *Scala paradisi*. XXVI, 27 // PG. 88. Col. 1020D:12–14. Рус. пер.: *Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. Сергиев Посад, 1898. С. 181.

20 Шмелёв И. С. Лето Господне // Там же. Т. 4. С. 509.

21 Шмелёв И. С. Старый Валлам // Там же. Т. 2. С. 347.

Вершиной иерархии — духовным солнцем художественного мира писателя, как было показано выше, является народный духовник Гефсиманского скита старец Варнава, поэтому Шмелёв многократно обращается к его образу, причём в ключевых своих произведениях, которые принесли ему заслуженную славу (роман «История любовная» (1926–1927), повесть «Богомолье» (1930), роман «Пути небесные» (1935–1950), очерки «Старый Валаам» (1935), «У старца Варнавы» (1936) и другие произведения).

Не сразу писатель берётся за создание визуального образа старца Варнавы. Так, например, в романе «История любовная» сам старец не показан, его образ возникает в воспоминании — в сознании героя, когда необходимо найти защиту от нечистых мыслей и разговоров. Его авторитет непререкаем не только для взрослых, но и для молодежи: «Женька!.. — кинулся я к нему, — услышат! Это же... Мы же дали слово не оскверняться такими мыслями, грязными разговорами!.. Помнишь, как у Сергия-Троицы со старцем Варнавой говорили...»²².

А уже в повести «Богомолье» (1931) в образе старца Варнавы фокусируется весь свет и его образ становится смысловым центром повествования. Отец Варнава показан писателем как любвеобильный, прозорливый и рассудительный духовник, к которому с упованием устремлены не только главные герои повести, но и весь православный народ: «Кругом разговор про батюшку Варнаву: сколько народу утешает, всякого-то в душу примет, обнадёжит... хоть самый-то пропащий к нему приди»²³.

Эпизодический персонаж повести — паренёк, расслабленный — после беседы со старцем говорит о нём: «Так обрадовал — осветил... как солнышко Господне»²⁴.

Горкин и другие паломники идут к «батюшке — отцу Варнаве», «подвижнику-прозорливцу», каждый со своей нуждой. Горкин — с пронесённой через всю жизнь виной о погибшем в результате несчастного случая на стройке его пятнадцатилетнем ученике Грише. Федя, сын богатого бараночника, — с мыслью о монашестве.

Встреча со старцем (для ключевых персонажей повести) является разрешением всех сомнений, указанием дальнейшего пути жизни согласно воле Божией. Причём раскрывшаяся через старца воля

22 Шмелёв И. С. У плакучих берёз // Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). С. 33.

23 Шмелёв И. С. Лето Господне // Там же. Т. 4. С. 510.

24 Там же. С. 509.

Божия приносит человеку невыразимую духовную радость. После исповеди Горкин — «такой радостный, как на Светлый День»²⁵; в слезах радости он рассказывает: «С радости, недостойн я... исповедался у батюшки-отца Варнавы... Стал ему про свои грехи сказывать... и про тот мой грех, про Гришу-то... как понуждал его высоты-то не бояться. А он, светленький, поглядел на меня, поулыбался так хорошо... и говорит, ласково так: “Ах ты, голубь мой сизокрылый!..”. Епитрахилькой накрыл и отпустил. “Почаще, — говорит, — радовать приходи”. Почаще приходи...»²⁶.

И Федя-бараночник получает ответ от народного духовника о своём монашестве: «А батюшка Варнава потрепал его по щеке и говорит: “Такой румянистый-краснощекой — да к нам, к просвирникам... баранки лучше пеки с детятками! Когда, может, и меня, сынок, угостишь”. И не благословил. “С детятками”, — говорит! Значит, уж ему открыто»²⁷.

В последнем романе И. С. Шмелёва «Пути небесные» (1935–1947) преподобный Варнава показан старцем, имеющим высший Дар Святого Духа — рассудительность. Главная героиня романа (Даринька), сначала послушница монастыря, затем незаконная жена будущего монаха Оптиной пустыни В. А. Вейденгаммера, приезжает в Гефсиманский скит к старцу Варнаве, чтобы «распутать» свою непростую жизненную ситуацию. От духовника она получает парадоксальное «п о с л у ш а н и е» на всю жизнь (а по факту — до смерти) — не оставлять Виктора Алексеевича, «везти возок» духовной помощи-жертвы ближнему. Домой возвращается она «просветлённой»²⁸.

Необходимо отметить, что старец Варнава — не только литературный персонаж Ивана Шмелёва, но и реальная историческая личность, прославленный Церковью святой угодник Божий. В 1995 г. иеромонах Варнава (Меркулов) был причислен Русской Православной Церковью к лику святых.

В конце XIX — начале XX в. он был народным духовником Гефсиманского скита Троице-Сергиевой лавры. Ещё при жизни почитался народом как святой старец, к которому, как пишет в жизнеописании преподобного Варнавы архимандрит Георгий (Тертышников), посетители в огромном количестве стекались «за получением бла-

25 Шмелёв И. С. Лето Господне // Собрание сочинений. Т. 4. С. 489.

26 Там же.

27 Там же.

28 Шмелёв И. С. Пути Небесные // Там же. Т. 5. С. 248.

гословения, совета в каких-либо важных жизненных обстоятельствах, утешения в скорбях»²⁹.

Шмелёв с раннего детства много слышал про батюшку Варнаву от родных и работников трудовых артелей отца. Святость и прозорливость старца Варнавы были хорошо известны в России, а в Москве особенно. Истории о старце, его высказывания передавались из уст в уста и были своеобразным христианским фоном времени (конца XIX — начала XX в.), источником нравственного просвещения народа. И в целом ряде произведений Шмелёва образ старца Варнавы приобрёл черты человека, являющегося высшим авторитетом в духовных и нравственных вопросах, ближе всех стоящего к Богу и способного открыть людям волю Божию.

В очерке «У старца Варнавы» (1936), созданном к 30-летию со дня его кончины, Шмелёв писал: «С “батюшкой Варнавой” во мне сочеталось светлое и святое... Мне казалось, что “батюшка Варнава” всё знает... молится за всех грешников, всех утешает и — провидит»³⁰. Это собственное ощущение святости старца писатель многократно воспроизводит на страницах своих произведений.

Когда Шмелёву было пять-шесть лет, преподобный Варнава, ещё не видя его, передал матери мальчика благословение и крестик. Шмелёв сообщает об этом: «Это показалось знаменательным: раза три повторил, словно втолковывал, “чтобы запомнила”; говорила матушка: “А моему... крестик, крестик!”... “Тяжелая тебе жизнь будет, к Богу прибегай!” — не раз говорила матушка. И мне делалось грустно и даже страшно. Сбылось ли это? Сбылось»³¹.

Через два-три года Шмелёв уже сам с плотником Горкиным ходил на богомолье в Троице-Сергиеву лавру и снова получил от старца Варнавы благословение и крестик.

Как отмечает А. М. Любомудров, «старец прозревал не только предстоящие Шмелёву страдания (действительно глубочайшие). Он провидел и, возможно, укрепил в Шмелёве писательский талант. Произошло это в... последнюю встречу с ним»³².

29 *Георгий (Тертышников), архим.* Преподобный Варнава, старец Гефсиманского скита. Сергиев Посад, 1996. С. 32.

30 *Шмелёв И. С.* У старца Варнавы // *Собрание сочинений.* Т. 6 (доп.). С. 280.

31 Там же. С. 281.

32 *Любомудров А. М.* Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелёва // *Христианство и русская литература.* СПб., 1994. Сб. 1. С. 369.

В 1895 г. ещё не помышлявший всерьёз о писательстве Шмелёв-студент, совершая свадебное путешествие на остров Валаам, заехал благословиться к старцу Варнаве. Шмелёв к этому времени уже утратил детскую чистоту веры, он признаётся, что заехал только «по обычаю» и что ему было даже «стыдно», что в то время он был далёк от Церкви: «От Церкви я уже шатнулся, был если не безбожник, то никакой»³³. Ожидая выхода Старца из кельи, он испытывал неопределённый страх: «...вдруг скажет что-нибудь такое... “испортит настроение”!»³⁴ По замечанию Антона Владимировича Карташёва, «это были типичные ощущения интеллигента-позитивиста конца XIX в. при встрече с живой святостью»³⁵.

Однако, подходя под благословение, Шмелёв ощутил робость, удивление, возможно, и радость, стал «как будто прежний, маленький...»³⁶.

Всмотревшись в юношу. Старец положил руку ему на голову и раздумчиво произнёс: «Превознесёшься своим талантом». Слова эти стали не только пророчеством о писательском даре, но и благословением, и указанием всего пути жизненного, как потом и оценил их сам Иван Сергеевич³⁷.

В 1897 г. Шмелёв выпускает первую книгу «На скалах Валаама». Несмотря на то, что книга потерпела неудачу: была остановлена цензурой, урезана и её продажа была сорвана (практически весь тираж осел у букинистов), всё же писательское своё призвание Иван Сергеевич осознал. Заканчивая очерк о Старце, Шмелёв писал: «И написалась книга, путь открылся. Батюшка Варнава благословил “на путь”. Дал крестик и благословил. Крестик — и страдания, и радость. Так и верю»³⁸.

Как говорилось выше, образ старца Варнавы встречается у Шмелёва во многих произведениях, но ярче всего он дан в повести «Богомолье» (1930).

33 Шмелёв И. С. У старца Варнавы // Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). С. 282.

34 Там же.

35 Карташов А. В. Религиозный путь И. С. Шмелёва // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва. München, 1956. Ч. 2. С. 65–77.

36 Шмелёв И. С. У старца Варнавы // Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). С. 283.

37 Больше Шмелёв не встречался со старцем, но всю жизнь считал его своим духовным покровителем. И это было действительно так, вплоть до самой смерти писателя.

38 Шмелёв И. С. У старца Варнавы // Собрание сочинений. Т. 6 (доп.). С. 284.

Создавая образ старца Варнавы, Шмелёв, конечно, опирался на свои личные впечатления от встреч с ним, на устные предания о старце (некоторые из них присутствуют в повести), а также на документальную литературу (уже было издано в 1907 г. жизнеописание старца и другие книги о нём). Кроме этого, вполне вероятно, что Шмелёв мог опираться и на православную литературу о других подвижниках благочестия и уже прославленных святых.

Устные предания и документальная литература не расходятся с личными воспоминаниями писателя. Можно обратить внимание на такую деталь внешнего облика отца Варнавы у Шмелёва, как «подрысник, закапанный густо воском»³⁹. Эта деталь имеет точное соответствие в жизнеописании, где говорится, что у старца был «потёртый ватный подрысник, закапанный воском»⁴⁰.

Но мог ли Шмелёв при создании образа преподобного Варнавы обращаться к литературному изображению других подвижников или уже прославленных Церковью святых? Ответить на этот вопрос необходимо, в том числе, и для того, чтобы лучше понять природу «светонности» шмелёвских героев.

Подсказку находим в жизнеописании старца. Там говорится, что ещё при жизни старца Варнавы «современники находили духовное родство между иеромонахом Варнавой и преподобным Серафимом Саровским»⁴¹, даже на могилах их были начертаны одинаковые надписи⁴². Это не могло пройти мимо Шмелёва незамеченным. К тому же, как отмечает составитель современного жизнеописания преподобного Варнавы, церковное прославление преподобного Серафима было одним из главнейших духовных событий начала XX в.: «Прославление прп. Серафима в лике святых произошло в 1903 г. Вся Россия переживала это событие несколько последующих лет»⁴³.

В июле 1903 г., практически одновременно с открытием мощей преподобного Серафима, писатель С. А. Нилус напечатал в «Московских ведомостях» (№ 195–197) запись Н. А. Мотовилова о беседе с преподобным Серафимом. Её в числе других бумаг передала ему в 1902 г.

39 Шмелёв И. С. Лето Господне // Собрание сочинений. Т. 4. С. 511.

40 Георгий (Тертышников), архим. Преподобный Варнава, старец Гефсиманского скита. С. 32.

41 Там же.

42 Он жил во славу Господа Бога.

43 Георгий (Тертышников), архим. Преподобный Варнава, старец Гефсиманского скита. С. 32.

Елена Ивановна Мотовилова⁴⁴. Эта публикация имела название: «Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском, в беседе его с Н. А. Мотовиловым»⁴⁵.

Известно, что в эмиграции при работе над своими произведениями Шмелёв в больших объемах изучал православную литературу, которой, в основном, снабжали его философ Иван Александрович Ильин и историк Антон Владимирович Карташёв. Кроме того, он сам был церковным человеком, исповедовался и причащался на Сергиевском подворье в Париже.

«Беседа с Мотовиловым...» могла быть ему знакома либо по отдельным её изданиям, либо по газетным или журнальным публикациям, которых было много. Кроме того, различные варианты «Беседы...» публиковались в работах популярных духовных писателей начала XX в. Так, например, в 1909 г. её краткий вариант опубликовал духовный писатель М. А. Новоселов⁴⁶, священник Павел Флоренский в 1914 г. цитировал «Беседу...» в своей книге «Столп и утверждение истины»⁴⁷, в 1925 г. русский православный философ, профессор русского Богословского православного института в Париже Владимир Николаевич Ильин опубликовал книгу «Преподобный Серафим Саровский», где также поместил её текст. Также оказавшийся в эмиграции митрополит Вениамин Федченков писал, что беседа преподобного Серафима с Мотовиловым, «точно молния, озарила весь мир»⁴⁸. Таким образом, можно предположить, что данное произведение было известно Шмелёву.

Следует отметить, что И. С. Шмелёв интересовался и творчеством Нилуса, правда несколько позже, в частности, материалами по Оптиной пустыни. Так, в одной из его записных книжек (за 1939 г.) есть такая запись: «Надо прочесть: С. Нилус. Великое в малом, в изд.

44 Вопросы атрибуции и датировки текста беседы не входят в задачи данного исследования.

45 Также С. Нилус поместил «Беседу...» в своей книге «Великое в малом» (М., 1903) и издал отдельно под заглавием «Дух Божий явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его с симбирским помещиком и совестным судьей, Николаем Александровичем Мотовиловым (из рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова)».

46 Религиозно-философская библиотека / изд. М. А. Новосёлова. О цели и смысле жизни. Вып. XXI. Ч. 2. Вышний Волочёк, 1909. С. 39–72.

47 *Флоренский П., свящ.* Столп и утверждение истины. М., 1914. С. 102–105.

48 *Вениамин (Федченков), митр.* Всемирный светильник преподобный Серафим Саровский. М., 1996. С. 113. Книга была написана к 100-летию со дня кончины святого и впервые была издана в Париже в 1933 г.

1911 г. Там же и “Протоколы” — наиб. полн. 1917 г. На берегу Божьей реки — отд. изд. 1915–1916 гг. Святыня под спудом — сокровище монашеского духа»⁴⁹.

Однако, вероятнее всего, «Беседа...» была известна Шмелёву по наиболее авторитетному её изданию, предпринятому в 1914 г. заведующим отдела рукописей Синодальной библиотеки, магистром богословия, известным археологом и историком культуры Николаем Петровичем Поповым. Необходимость издания автор объяснял тем, что Нилус опубликовал несколько сокращённый, точнее изменённый, вариант беседы: «“Беседа” была напечатана им в сокращённом или, точнее, несколько изменённом виде⁵⁰; ибо в бумагах, доставшихся Елене Ивановне после её покойного мужа, Беседа сохранилась в двух редакциях, несколько по полноте содержания и некоторым отдельным выражениям различающимся между собою, хотя по существу дела совершенно между собою согласных. Покойная Елена Ивановна, которой рукописи возвращены были г. Нилусом и от которой они перешли к дочери её, пред кончиною своею не раз высказывала мне желание, чтобы “Беседа” была напечатана однажды полностью так, как сохранилась она, именно в двух экземплярах, записанных мужем её, Н. А. Мотовиловым»⁵¹. По этой причине Н. П. Попов поместил в своём издании беседу в двух редакциях: «...по двум записям её Н. А. Мотовиловым — в одной, более краткой, и другой, более пространной»⁵².

Основа сюжета «Беседы...» — чудо преображения преподобного Серафима Саровского перед Николаем Мотовиловым. Вот как оно описывается в краткой редакции Мотовилова (издание 1914 г. Н. П. Попова): «...не могу смотреть, потому что из глаз Ваших молнии сыпятся. Лице Ваше светлее солнца сделалось, и у меня глаза ломит от боли... Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости полуденных лучей его лицо человека, разговаривающего с Вами. Вы, например, видите движение уст и глаз его, изменение в самих чертаниях лица, чувствуете, что Вас кто-то держит рукой за плечи,

49 Записные книжки И. Шмелёва / под ред. О. Кутыриной // *Шмелёв И. С.* Собрание сочинений. Т. 5. С. 448.

50 М. А. Новосёловым «Беседа» пр. Серафима в XXI выпуске издаваемой им религиозно-философской библиотеки напечатана в ещё более сокращённом виде.

51 О цели христианской жизни. Беседа преп. Серафима Саровского с Николаем Александровичем Мотовиловым. (По собственноручным записям последнего, с предисловием Н. П.). Сергиев Посад, 1914. Предисловие. С. XXX–XXXI.

52 Там же. С. XXXI.

но не видите не только рук его, но ни самих себя, ни его самого, а только один ослепительнейший, простирающийся на несколько сажень кругом свет...»⁵³.

А так оно описывается в пространной редакции Мотовилова (издание 1914 г. Н. П. Попова): «Я ответил: “Не могу, потому что из них молнии светятся, и у меня глаза ломит, и я не могу смотреть на Вас, батюшка о. Серафим; потому что Вы светлее солнца... Ваше лицо светлее солнца стало и глазам моим больно; свет этот колет их, и мне нельзя смотреть на Вас”... лицо его как бы вышло из-под молниеносного света, и свет остался только кругом лица его на далёкое пространство»⁵⁴.

Глубокое внутреннее, а порой и внешнее сходство с обеими редакциями «Беседы...» чувствуется в светоносном образе праведника в повести «Богомолье», когда речь идёт о старце Варнаве: «Так обрадовал — осветил... как солнышко Господне... вижу я светлое, ласковое лицо... и кажется мне, что из глаз его светит свет... там, где крылечко, ярко сияет солнце, и в нём, как в слепящем свете, благословляет батюшка Варнава»⁵⁵.

В краткой редакции у Мотовилова: «в середине солнца... лицо человека», у Шмелёва: «ярко сияет солнце, и в нём... батюшка Варнава»; у Мотовилова: «ослепительнейший свет», у Шмелёва: «в слепящем свете»; у Мотовилова преподобный Серафим «в середине солнца, в самой блистательной яркости полуденных лучей его», а у Шмелёва сам старец Варнава сравнивается с «солнышком Господним» и изображается на фоне солнца: «ярко сияет солнце, и в нём, как в слепящем свете, благословляет батюшка Варнава».

В пространной редакции у Мотовилова из глаз преподобного Серафима «молнии светятся», у Шмелёва: «из глаз его светит свет».

Следует отметить, что существует и определённая разница в описаниях. Мотовилов, судя по тексту беседы, был свидетелем реального чуда преображения старца Серафима, поэтому лицо преподобного Серафима «светлее солнца»⁵⁶ и свет, исходящий от старца, у него не солнечный, а «сияние света божественной благодати». У Шмелёва же Ване только «кажется... что из глаз его светит свет»,

53 О цели христианской жизни. С. 17–18.

54 Там же. С. 48–49.

55 Шмелёв И. С. Лето Господне // Собрание сочинений. Т. 4. С. 511.

56 Записки Николая Александровича Мотовилова, служки Божией Матери и преподобного Серафима. М., 2005. С. 211.

и «благословляет батюшка Варнава» всё же в слепящем свете солнца, который похож на «ослепительнейший свет» преподобного Серафима, но всё же свет естественный.

Необходимо отметить, что почитание преподобного Серафима было у И. С. Шмелёва особым, ибо в мае 1934 г. по молитве к нему писатель получил исцеление язвы и уже намеченную операцию отменили. Иван Сергеевич подробно описал это чудо в очерке «Милость преподобного Серафима» (1934)⁵⁷.

Болезнь преследовала писателя ещё с 1909 г. Но особенно тяжело ему стало после 1928 г. Он всё больше худел, и к маю 1934 г. весил всего 45 килограммов. Когда уже была назначена операция, а боли стали невозможными, Шмелёв мысленно взмолился, даже как бы в отчаянии, преподобному Серафиму: «Ты, Святой, Преподобный Серафим... можешь!.. верую, что Ты можешь!..»⁵⁸. И после этого боли прекратились, он заснул и увидел во сне на своих рентгеновских снимках надпись: «Св. Серафим» — вместо «Jean Chmeleff». Проснувшись, Иван Сергеевич ощутил незримое присутствие святого рядом с собой: «Мне стало легче, душевно легче. Я почувствовал, что Он, Святой, здесь, с нами... Это я так ясно почувствовал, будто Он был действительно тут. Никогда в жизни я так не чувствовал присутствие уже отшедших... Я как бы уже знал, что теперь, что бы ни случилось, всё будет хорошо, всё будет так, как нужно... Такое чувство, как будто я знаю, что обо мне печётся Могуущественный, для Которого нет известных нам земных законов жизни: всё теперь может быть! Всё... — до чудесного»⁵⁹. И действительно, произошло чудо: боли больше не возвратились, врач отменил операцию. У Ивана Сергеевича снова появился аппетит, он пошёл на поправку. На повторных снимках язвы не обнаружили. Шмелёв воспринял происшедшее с благодарностью и со смирением. Вот так, в итоге, он оценил случившееся: «По ощущениям своим я знаю: радостное со мной случилось. Если не говорю “чудо со мной случилось”, так потому, что не считаю себя достойным чуда. Но внутренне-то, в глубине, я знаю, что чудо: Благодатью Господней, Преподобного Серафима Милостью»⁶⁰.

57 Шмелёв И. С. Милость преподобного Серафима // Собрание сочинений. Т. 2. С. 337–344.

58 Там же. С. 341.

59 Там же.

60 Там же. С. 345.

Во время написания Шмелёвым повести «Богомолье» (1931) старец Варнава ещё не был прославлен Церковью в лике святых, но Шмелёв, как и весь православный народ, чувствовал его святость, поэтому можно предположить, что для утверждения святости старца Варнавы Шмелёв дал своему читателю скрытую, но понятную современникам ассоциацию «светоносности» старца Варнавы со «светоносностью» преподобного Серафима и «слепящий» солнечный свет, окружающий Старца, использовал как символ пребывающего в его душе «сияния света Божественной благодати».

Исходя из биографических данных можно утверждать, что Шмелёв имел общение со старцем, когда тот находился уже в звании (на должности) духовника, поэтому Шмелёв не изображает его детские годы или путь подвига — восхождения к старчеству. При этом образ подвижника строился из личных воспоминаний, устных преданий и литературы о нём и о преподобном Серафиме Саровском. Для создания образа Шмелёву чрезвычайно важна была точка зрения, поэтому он доверяет её особому повествователю — ребенку, стоящему на границе «ангельского» возраста.

Таким образом, создавая образ народного духовника пещер Гефсиманского скита, Шмелёв в широком смысле опирался на православную традицию (учение о человеке и благодати) как в описании внешнего облика, так и внутренней сути, а также на уже сложившуюся в православном мире параллель: старец Варнава Гефсиманский — преподобный Серафим Саровский.

В заключение следует сказать ещё несколько слов о символичности кончины И. С. Шмелёва. В последние годы жизни, особенно после смерти жены (1936), у писателя была мечта — поселиться где-нибудь рядом с православным монастырём и продолжать работу над романом «Пути небесные». Но дано было осуществиться этой мечте только в самый последний день его жизни.

После тяжелой операции на сердце Шмелёва отвезли на автомобиле в православный монастырь Покрова Пресвятой Богородицы под Парижем (в местечке Бюсси-ан-Отт), где ему удалось договориться о пансионе. В тот же день вечером он скончался от сердечного приступа.

Символичность же его кончины проявилась в том, что в этот день, 24 июня (1950 г.), Церковь отмечает память святых апостолов Варфоломея и Варнавы, а также преподобного Варнавы Ветлужского. И это был день именин его дорогого старца Варнавы, некогда благословившего его «на путь».

Как отмечают очевидцы, этот последний день был необычным. Шмелёв был в особенном настроении. Он любовался природой и всё время говорил о том, как он благодарит Бога за всё! Монахиня Феодосия, на глазах у которой умер Шмелёв, вспоминает: «Иван Сергеевич был полон самых радужных надежд; мечтал о том, как будет работать; хотел возможно скорее поговорить... Он много раз крестился... Он благодарил Господа Бога за всё то чудесное, что было вокруг него и в нём самом. И когда он был полон этой благодарности к Богу, тогда Последний закрыл ему глаза. Послал ему вечный покой»⁶¹.

Библиография

- Георгий (Тертышников), архим.* Преподобный Варнава, старец Гефсиманского скита. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1996.
- Зеелер В.* Последний день Шмелёва // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва / под ред. В. А. Маевского. München: Dr. Peter Belej, 1956. Ч. 1. С. 9–14.
- Иоанн Лествичник, прп.* Лествица. Сергиев Посад: издательство Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1898.
- Карташов А. В.* Религиозный путь И. С. Шмелёва // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва / под ред. В. А. Маевского. München: Dr. Peter Belej, 1956. Ч. 2. С. 65–77.
- Любомудров А. М.* Православное монашество в творчестве и судьбе И. С. Шмелёва // Христианство и русская литература. СПб.: Наука, 1994. Сб. 1. С. 361–394.
- Вениамин (Федченков), митр.* Всемирный светильник преподобный Серафим Саровский. М.: «Паломник»; Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1996.
- Религиозно-философская библиотека / изд. М. А. Новосёлова. О цели и смысле жизни. Вып. XXI. Ч. 2. Вышний Волочёк: тип. В. С. Соколовой, 1909.
- О цели христианской жизни. Беседа преп. Серафима Саровского с Николаем Александровичем Мотовиловым. (По собственноручным записям последнего, с предисловием Н. П.). Сергиев Посад: тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1914.
- Феофан Затворник, свт.* Что есть духовная жизнь. СПб.: КИТИС, 1991.
- Серафим, архиепископ Чикагский и Детройтский.* Бытописатель русского благочестия (к десятилетию со дня кончины И. С. Шмелёва). 1960 // НИОР РГБ Ф. 387. К. 10. Ед. хр. 49.
- Сорокина О. Н.* Московянка: жизнь и творчество Ивана Шмелёва. М.: Московский рабочий; Скифы, 1994.
- Флоренский Павел, свящ.* Столп и утверждение истины. М.: Путь, 1914.

61 *Зеелер В.* Последний день Шмелёва // Памяти Ивана Сергеевича Шмелёва. München, 1956. С. 11.

Шмелёв И. С. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Русская книга, 1998.

Ioannes Climacus. Scala paradisi // PG. Т. 88. Col. 631–1164.

People's Confessor of the Caves of Gethsemane Skete: The Image of St. Barnabas of Gethsemane in Prose by I. S. Shmelev

Denis V. Makarov

Doctor of cultural science

Associate Professor of Philology in the of Moscow Theological Academy

141300, Sergiev Posad, The Holy Trinity Monastery (Lavra), Academy

denis.makarov@mail.ru

For citation: Makarov, Denis V. "Folk confessor of the caves of Gethsemane Skete: the image of the Monk Barnabas of Gethsemane in the prose of I. S. Shmelev." *Theological Herald*, № 2 (37), 2020, pp. 324–342 (in Russian). DOI: 10.31802/2500-1450-2020-37-2-324-342

Abstract. The main goal of the study is to evaluate the image of the Monk Barnabas of Gethsemane in the work of Ivan Sergeevich Shmelev, as well as the significance of the writer's personal relationship with elder Barnabas. The work uses the comparative historical method and the method of philological analysis. To achieve this goal, an analysis is made of the biography and works of I. S. Shmelyov, in which the image of the Monk Barnabas of Gethsemane is found, in particular, in the novels *The Story of a Love*, *The Summer of the Lord*, *The Heavenly Ways*, *The Pilgrimage (Bogomoliye)*, the short story *A Visit to Elder Barnabas*, and others. The most important results of the study show that I. S. Shmelev creates images of the righteous, relying on the aesthetic tradition of Orthodoxy – he depicts saints and the righteous in a radiant and favourable light. An important aesthetic device is the image of a person through the eyes of a child, soon to cross the "angelic" age, who (due to his spiritual purity), looking at people, perceives not only their appearance, but their state of mind: light or dark. At the same time, luminosity is built in the artistic system of I. S. Shmelyov in a clear hierarchy, which is based on the patristic Orthodox hierarchy, expressed by the words of St. John Climacus: «Angel are an example for monks and monks and monastic life are a light to to all in the world», which clearly show the deep-rooted aesthetic thinking of the writer in the Orthodox cultural tradition.

Keywords: Russian literature, works of Ivan Sergeevich Shmelev, St. Barnabas of Gethsemane, St. Seraphim of Sarov.

References

Georgij (Tertyshnikov) (1996) *Prepodobnyj Varnava, starec Gefsimanskogo skita [Saint Barnabas, Elder of the Gethsemane Skete]*. Sergiev Posad: Svjato-Troickaja Sergieva Lavra (in Russian).

- Zeeler V. (1956) "Poslednij den' Shmeljova" ["The Last day of Shmelev"], in V. A. Maevskij (ed.) *Pamjati Ivana Sergeevicha Shmeljova [In Memory of Ivan Sergeevich Shmelev]*, part 1. München: Dr. Peter Belej, 1956, pp. 9–14 (in Russian).
- Kartashov A. V. (1956) "Religioznyj put' I. S. Shmeljova" ["The Religious path of I. S. Shmelev"], in V. A. Maevskij (ed.) *Pamjati Ivana Sergeevicha Shmeljova [In Memory of Ivan Sergeevich Shmelev]*, part 2. München: Dr. Peter Belej, pp. 65–77 (in Russian).
- Ljubomudrov A. M. (1994) "Pravoslavnoe monashestvo v tvorčestve i sud'be I. S. Shmeljova" ["Orthodox Monasticism in the Work and Fate of I. S. Shmelev"], in *Hristianstvo i russkaja literatura [Christianity and Russian Literature]*, book 1. Saint-Petersburg: Nauka, pp. 361–394 (in Russian).
- Veniamin (Fedčhenkov) (1996) *Vsemirnyj svetil'nik prepodobnyj Serafim Sarovskij [The World Luminaire is the Saint Seraphim of Sarov]*. Moscow: Palomnik; PSTBI (in Russian).
- Feofan Zatvornik (1991). *Chto est' duhovnaja zhizn' [What is Spiritual Life]*. Saint-Petersburg: KITIS (in Russian).
- Sorokina O. N. (1994) *Moskoviana: zhizn' i tvorčestvo Ivana Shmeljova [Moscoviana: the Life and Work of Ivan Shmelev]*. Moscow: Moskovskij rabochij; Skify (in Russian).
- Shmeljov I. S. (1998) *Sobranie sočinenij: v 5 t. [Collected Works: in 5 vols]*. Moscow: Russkaja kniga (in Russian).